

“Я ЛЮБЛЮ ЭТУ КРОВНУЮ УЧАСТЬ...”

Постепенно пресловутый национальный вопрос разделил наше поколение на два непримиримых стана. До сих пор с негодованием и недоумением вспоминаю, как в течение 1980-х годов со страниц “Московского комсомольца”, “Огонька”, “Комсомолки”, “Нового времени”, “Книжного обозрения”, “Московских новостей”, а в начале 1990-х и едва возникшей “Еврейской газеты” Голенпольского по нашему адресу неслись обвинения, что мы – “почвенники”, “деревенщики”, “сталинисты”, “охотнорядцы”, “русофилы”, “антисемиты”, “расисты”. Что мы только и жаждем уличить бедных советских евреев в том, что они пьют кровь христианских младенцев, что мы готовы измерять циркулем их гениальные головы и высчитывать у каждого подозрительного соотечественника процент “еврейской крови”. Эти болезненные заявления выходили из-под перьев ныне почти забытых борзописцев Марка Дейча, Семёна Резника, Александра Аронова, какой-то Лосото и некой Татьяны Ивановой... Всех не вспомнишь. Не отставали от них и “шестидесятники”, дожившие до наших времён, – Алла Гербер, Сергей Чупринин, Бенедикт Сарнов, Андрей Нуйкин и др. Однако забавнее всего то, что именно либералы-“шестидесятники”, а не “охотнорядцы” и “черносотенцы” были озабочены тем, какая кровь и в каком процентном соотношении течёт в их жилах, а какой крови в их организмах нету ни капельки. “У кого что болит, тот о том и говорит”, – гласит русская пословица. Занимались этими исследованиями “дети Арбата” с особой тщательностью.

“У меня есть русская, украинская, польская, татарская и шведская кровь”, – докладывал Евгений Евтушенко (“Новая газета”. 18.07.2013). Он же со знанием дела сообщал, что среди его предков были полуукраинцы, полупольшаки, полубелорусы, полунемцы... Впоследствии поэт уточнил, что его дед по отцу Рудольф Гангнус был чистым стопроцентным немцем. Это же надо быть таким закомплексованным интернационалистом, чтобы разыскать в своём организме все эти “кровя”! Познакомившись с подобными “изысканиями”, поэт Николай Старшинов не удержался и сочинил на Е. Е. язвительную, но справедливую эпиграмму:

*Полухохол, полуполяк,
Полулатыш, полутатарин,
Полурусак, полупрусак,
Полупростак, полумастак,
Да что ж ты, мать твою растак,
России так неблагодарен!*

“Еврейской крови нет в крови моей”, — кричал на весь мир Евгений Евтушенко, доказывая, что он не по “кровным”, а по “духовным” причинам с юных лет в течение всей жизни отчаянно борется с антисемитами всех времён и народов. Глядя на него, и другие “шестидесятники” стали выискивать в своих родословных хоть какие-нибудь признаки “благородных кровей”.

Вознесенский отыскал в своём роду грузинского прадеда. У Ахмадулиной с примесями крови всё обстояло идеально, чем Е. Е. искренне восторгался: “В её жилах скакала необъезженная татарская кровь и величаво всплёскивала итальянская, как медленная вода венецианских каналов, качающая на себе золотые решётчатые окна постепенно погружающихся, словно Атлантида, аристократических палаццо...” Умри, Денис, лучше не напишешь!

Полукровка Булат Окуджава с горечью сообщал читателям, что является всего лишь “соплеменником” Сталина. А Роберт Рождественский, умолчав, что его фамилия по родному отцу Петкевич (поляк, сотрудник НКВД и участник Отечественной войны), заявил в стихах своим друзьям Булату, Евгению и Андрею: “*По национальности я советский*”. Роберт не подумал о том, что если когда-нибудь советская власть рухнет, то он останется без национальности. Вот почему опасно играть в стихах такими сакральными понятиями, как “кровь”, “родословная”, “национальность”... Эту истину хорошо понимал один из наставников “шестидесятничества” Борис Абрамович Слуцкий:

*Что ж вам делать в этом море гнева,
Как вам быть в жестоком перекрёстке?
Взвешенные меж земли и неба (так у автора. — Ст. К.)
Смешанные крови, полукровки...*

Слуцкий предчувствовал, что полукровок ждёт жизнь, полная опасностей и трагедий, а полукровками были многие наши известные “шестидесятники” — Василий Аксёнов, Юрий Трифонов, Сергей Довлатов, Римма Казакова, Георгий Владимов, Владимир Высоцкий, Михаил Дёмин, Лев Иванов-Аннинский и т. д. И всем им Слуцкий пророчил тяжёлую жизнь.

В конце концов, удручённо наблюдая, как покидают Россию мои вчерашние друзья и недруги, и “полукровки”, и чистокровный электорат, находящийся в дальнем или близком родстве с отъехавшими в Вену, в Иерусалим, в Нью-Йорк, и понимая, что я не способен “**переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог её дал**” (А. Пушкин), я излил все эти чувства в стихотворении:

*Непонятно, как можно покинуть
эту землю и эту страну,
душу вывернуть, память отринуть
и любовь позабыть, и войну.*

*Нет, не то чтобы я образцовый
гражданин, коммунист, патриот —
просто призрачный сад на Садовой,
бор сосновый да сумрак лиловый,
тёмный берег да шрам пустяковый —
это всё лишь со мною уйдёт.*

*Всё, что было отмечено сердцем,
ни за что не подвластно уму.
Кто-то скажет: — А Курбский? А Герцен? —
Вам понятно, а я не пойму.*

*Я люблю эту кровную участь,
от которой сжимается грудь.
Даже здесь бессловесностью мучусь,
а не то, чтобы там где-нибудь.*

*Синий холод осеннего неба
столько раз растворялся в крови,
не оставил в ней места для гнева,
лишь для горечи и для любви.*

С лёгкой руки Евгения Александровича, который громче всех кричал о наличии в его венах и артериях всевозможных кровей, даже самый осторожный и умный “шестидесятник” Александр Петрович Межиров не удержался от соблазна разгадать тайны кровосмешения. Он, вероятно, знал, что кровь, по верованию древних семитских племён, является вместилищем души, и погрузился в хаос религиозных и гражданских распрей, которыми жила Россия в 80–90-е годы прошлого века, со страхом вопрошая сам себя:

*Какая в этом кровь повинна,
Какой из них предъявят счёт?
Из двух любая половина
Тебе покоя не даёт.*

А прямодушный Борис Абрамович Слуцкий сокрушался:

*Не торговавший ни разу,
Не воровавший ни разу,
Ношу в себе, как заразу,
Проклятую эту расу...*

В конце концов, даже Белла Ахмадулина, подражая своим старшим товарищам, не только отыскала в своём хрупком организме присутствие итальянской крови, доставшейся ей от двоюродного дедушки, итальянского революционера-коммуниста Стопани, ленинского друга, прах которого покоится в Кремлёвской стене, но и написала об этом целую поэму, почему-то ныне забытую исследователями и ценителями её творчества.

А сколько было всяческих комплексов, которые волновали душу самого, может быть, знаменитого и талантливого “шестидесятника”, любимца русского простонародья! Из книги журналиста Б. Кудрявова “Тайны жизни и смерти Высоцкого” (М., Алгоритм, 2017. С. 49–50):

“Чувствовал ли, понимал ли сам Высоцкий своё родство, принадлежность к еврейской нации? Несомненно. Приведу дословный разговор Высоцкого с писателем Давидом Маркишем, опубликованный в книге М. Цибульского “Время Владимира Высоцкого”: “И ещё такая история. Володя знал, что я проявляю интерес к израильским делам. И он меня резко спросил: “Что там происходит в Израиле?” Я ему на это резко сказал: “Володя, какое твоё дело?” И тут он мне говорит: “Как какое? Я еврей”. Я глаза на лоб выкатил... Я был уверен, что он чисто русский человек. Володя говорит: “Есть Высотские – через “тс” – это поляки, а Высоцкие с буквой “ц” – евреи”. Это было для меня полным откровением”.

И ещё из той же книги: “Есть интервью барда Александра Городницкого, который в 1965 году оказался с Высоцким на одном концерте в Политехническом институте. Обращают на себя внимание такие слова: “Смотрю: простоватый парень с блатной стрижкой, глядит на меня исподлобья... И вдруг мрачно спрашивает: “Вы что, еврей, что ли?” Я возмутился: ничего себе начало знакомства! И тут он начинает улыбаться и сообщает: “Очень приятно, я тоже имею непосредственное отношение к этой нации”.

Что же касается “шестидесятников патриотического разлива”, то из моих друзей не чувствовал себя носителем “особой” расы ни один из них, и никто никогда не выяснял, какая кровь течёт в его жилах. Мы все считали себя само собой русскими – по убеждениям, по судьбе, по некоему инстинкту родины, по состоянию души, в конце концов. О такой драгоценной, свыше даро-

ванной русскому народу безпечности двести лет тому назад с предельной откровенностью сказал западник и полукровка Александр Герцен:

“Мы выше зоологической щепетильности и совершенно безразличны к вопросу о расовой чистоте, что не мешает нам быть вполне славянами.

Мы очень довольны, что в наших жилах есть и финская, и монгольская кровь, что ставит нас в родственные и братские отношения с теми расами-париями, о которых гуманная демократия Европы не может говорить иначе, как тоном оскорбительного презрения”.

Герцен знал нашу великую литературу XIX века и видел, что болезненный вопрос “о крови” не занимал ни Жуковского, ни Карамзина, ни Лермонтова, ни Гоголя, ни Некрасова, ни Фета, ни Достоевского, в жилах которых, как мы сейчас знаем, текли ручейки турецкой, шотландской, польской, немецкой, татарской, украинской и даже еврейской (у Фета?) крови.

Я вспомнил слова Герцена насчёт нашего “равнодушия” в вопросах о “расовой чистоте”, когда перебирал фотографии своих друзей-писателей, вглядываясь в них и вспоминая, что у Передреева женой была чеченка, у Юрия Кузнецова – казашка, у Георгия Свиридова – эстонка, у Кожинава... Впрочем, о нём в нашем кругу ходила добродушная шутка, сочинённая Петром Палиевским, что, мол, первая жена Вадима была еврейкой, вторая полукровкой, сейчас любовница у него русская, но её сына зовут Марик. И никто из нас, русских людей, безразличных, по словам Герцена, к “расовой чистоте”, не обижался на шутки такого рода. И я со спокойной душой дарил Валентину Распутину свою книгу “Шляхта и мы”, зная, что её прочтает и его жена Светлана, предки которой были поляками, сосланными в Сибирь после очередного восстания Польши против императорской России.

Вот так мы жили, создавали семьи, женились, не придавая значения составу крови, пульсирующей и в нас самих, и в наших жёнах. То ли дело наши соперники! Они не позволяли себе легкомысленных решений, когда речь шла о столь важном деле, как продолжение рода. Е. Евтушенко, Р. Рождественский, А. Вознесенский, В. Аксёнов, Б. Окуджава, Ф. Искандер – у них у всех жёны были, как на подбор, из одного гнезда. Именно таких чистопородных дочерей Евы имел в виду Владимир Бушин, когда вспоминал о поэте Андрее Дементьеве, который подписал подлое письмо “42-х”, по его словам, “якобы второпях”. “Ему, – писал Бушин в газете “Завтра” (№ 36, 2018), – было некогда, он тогда торопился в “Литературную газету” со стихами: “еврейских жён не спутаешь с другими, // престиж еврейских жён неколебим”. Так что престиж жён Евтушенко, Вознесенского, Рождественского, Аксёнова, Окуджавы, Искандера и других был в те легендарные времена “неколебим” и безупречен.

* * *

Увидев, как советские идеологи награждают государственными премиями, роскошными квартирами и дачами, престижными зарубежными поездками, фантастическими тиражами, а значит, и баснословными гонорарами за стихи и поэмы о Ленине близких им по духу “шестидесятников” – Евтушенко, Рождественского, Вознесенского, – поэты из национальных республик, конечно же подумали: а чем мы хуже?

И вскоре киевский поэт Виталий Коротич настроил поэму “Ленин, том 54”, минский поэт Рыгор Барадулин, съездив в Шушенское, написал цикл стихотворений о том, как Ленин с Крупской жили в сибирской ссылке, а русскоязычный поэт из Алма-Аты Олжас Сулейменов “сотворил” (“творяне” – так называл своих друзей–“шестидесятников” А. Вознесенский) поэму о Ленине и назвал её “От января до апреля”. Эта поэма, на мой взгляд, была достойна куда большего внимания, чем “Казанский университет”, “сотворённый” Евгением Александровичем к ленинскому столетнему юбилею (пять тысяч строк!). Евтушенко в этой поэме, как и в других стихах о Ленине, доказывал, что Владимир Ленин – это не какой-нибудь “Бланк”, что он кровный “русак”, такой же истинный сын России, как и сам Евтушенко, что поэт, подобно Ленину, “любил Россию”:

*...всею кровью, хребтом —
её реки в разливе
и когда подо льдом,
дух её пятистенок,
дух её кедрача,
её Пушкина, Стеньку
и её Ильича...*

Правда, когда произошла “перестройка” и Мавзолей во время парадов и торжеств стали стыдливо покрывать трёхцветным полотнищем, Евгению Александровичу пришлось переделать последнюю строфу: вместо “кедрача” поставить слово “сосняков”, а вместо “Ильича” — слово “стариков”, но разве в этом дело?! Дело в любви к родине и в том, что, несмотря на всяческие конъюнктурные поправки к ленинскому образу, он у поэта всё равно оставался русским, не то что у Олжаса Сулейменова, дерзнувшего изобразить в своей поэме совсем другого Ленина:

*Его таким нарисовал Андреев —
его один бы бог не сотворил.
Арийцы принимали за еврея
его, когда с трибуны говорил.
Он знал, он видел, оставляя нас,
что мир курчавится, картавит и смуглеет,
мир был совсем иным в последний час,
в последний час короткой жизни Ленина.
.....
Он, гладкое поглаживая темя,
смеётся хитро, щуря глаз калмыцкий.
Разрез косой ему прибавил зренья,
Он видел человечество евреев.*

Поэма была написана в 1964 году, а издана в 1975-м в самом престижном издательстве СССР “Художественная литература” и фактически являлась своеобразной диверсией, заложенной под стены социалистического реализма. Но власть закрыла глаза на эту дерзость, заткнула уши и сделала вид, что ничего не произошло. Только через пятнадцать лет, после нашей дискуссии “Классика и мы” инструкторы ЦК КПСС из отдела пропаганды Беляев и Севрук, прорабатывая меня за выступление на дискуссии, с досадой поморщились, когда я процитировал им строчки о Ленине, видящем “человечество евреев”, и, перебивая друг друга, стали выговаривать мне, что “поэма говённая” и не надо придавать ей никакого значения.

От убеждения в том, что мир вскоре будет населён только “избранным народом”, до русофобии — один шаг, и потому Олжас Сулейменов после поэмы о Ленине вскоре издал книгу “Аз и Я”, в которой попытался доказать, что автором “Слова о полку Игореве...” был не русский человек, а половчанин. Мало было ему изобразить Ленина чуть ли не вождём мирового еврейства! Прочитав эту псевдоисторическую дребедень, я ответил Сулейменову коротким стихотворением:

*Разглядывая каждую строку,
учёный-тюрок вывел без сомнений
такую мысль, что “Слово о полку...”
пропел в пространство половецкий гений.*

*Под шум берёз, под шелест ковыля
судьба племён так прихотливо вьётся...
Но вспомнишь вдруг: “О, русская земля! —
Ты за холмом!” — и сердце оборвётся...*

А наш идеолог Юрий Селезнёв в большой статье, опубликованной в журнале “Молодая гвардия”, не оставил от книги Сулейменова и его теории главенства “избранного народа” в мировой истории камня на камне.

Если верить стихам Евтушенко, то он всю свою сознательную жизнь был окружён “антисемитами”, “лабазниками”, “охотнорядцами” и особенно “черносотенцами”. “*Это меня сжигала черносотенная банда!*” – вопил он, вспоминая, как Проханов с друзьями предали огню его чучело в отместку за то, что Евтушенко со своей компанией захватили Союз писателей СССР, находившийся в Доме Ростовых. “**Я молодым шакалам брошен, // как черносотенцам еврей**”, – горевал он на рубеже тысячелетий, осознав, что интерес к нему и его поэзии в капиталистической России исчезает. А сколько раз слово “черносотенец” возникает в его комментариях к стихам поэтов, которые он публиковал в своей антологии “Строфы века”... Но, как говаривали творцы исторического материализма, “количество переходит в качество”. И это произошло. Выдающийся русский мыслитель Алексей Фёдорович Лосев в 1930 году был сослан на стройку Беломорканала после того, как 28 июня 1930 года на утреннем заседании XVI съезда ВКП(б) Лазарь Моисеевич Каганович вынес ему следующий приговор: “*Последняя книга этого реакционера и черносотенца под названием “Диалектика мифа” является самой откровенной пропагандой наглешего нашего классового врага*”.

Критик с еврейской фамилией Киршон, выступавший на том же съезде, присоединился к Лазарю Моисеевичу, осудив “*черносотенно-монархические высказывания Лосева*”. Следователь ОГПУ М. Герасимова, которая вела дело Лосева, признала его книгу “Диалектика мифа” “*церковной контрреволюцией*”. А докладная записка заведующего отделом науки ЦК ВКП(б) Ю. Жданова, положенная на стол Г. Маленкова, гласила:

“*Выступая на съезде, тов. Л. М. Каганович характеризовал профессора Лосева как философа-мракобеса, реакционера и черносотенца*”.

И, в конечном счёте, Евгений Евтушенко, плохо знавший историю своего Отечества и всюду искавший очаги “черносотенства”, и кричавший об их засыле вольно или невольно, но останется в нашей памяти рядом с Кагановичем, Киршоном и Ждановым, а не с выдающимся сыном России Алексеем Фёдоровичем Лосевым. Обвинив черносотенцев в том, что они готовят не больше, ни меньше, как мировой заговор (“**сотня чёрная всемирна**”, “**погром антисемитский**”, “**атомный погром**” и т. д.), поэт обрёл сходство с американским министром обороны Форестоллом, который в разгар маккартизма (американского антисемитизма) выпрыгнул с шестого этажа своего офиса с криком: “Русские идут!” Но мало того. Евгений Александрович так и не сделал выбор – к кому примкнуть: либо к Лазарю Моисеевичу Кагановичу, который с наименьшим негодованием, нежели Евтушенко, относился к черносотенцу Лосеву, либо очутиться в одной компании с основателями “Союза русского народа” – православными евреями Грингмутом и Гурляндами.

В 2018 году наши историки с особым интересом вспоминали страшное лето рокового 1918 года, когда несколько событий властно повлияли на ход отечественной истории: убийство императора и романовской семьи в Алапаевске и Екатеринбурге, эсеровский мятеж, покушения на Володарского и Урицкого, покушение на Владимира Ильича Ленина. А венцом, объединившим все эти события, стало рождение “Декрета Совета Народных Комиссаров о пресечении в корне антисемитского движения”. Обсуждение всех этих исторических событий происходило на фоне нескольких провокаций. Одну из них разыграл известный литератор Дмитрий Быков. В конце декабря 2018 года, выступая в питерской аудитории своих поклонников, он заявил, что Гитлер мог бы вызвать сочувствие русского населения на оккупированных территориях при условии, если бы не ставил себе целью массовое истребление советских евреев. Одним словом, животный антисемитизм напугал даже русское коренное население. Опытному провокатору Быкову показалось мало этой подлой глупости, и он пообещал читателям написать книгу о генерале Власове для серии “ЖЗЛ”. В ответ на это я могу добавить лишь одно: если бы зоологический антисемит Гитлер в союзе с антисоветчиком Власовым победили, то наш “златоуст” мог бы спастись лишь потому, что укрывшись бы от них не под своей

русской родовой фамилией Зильбертруд, а под заурядной простецкой русской фамилией Быков. А Быковых в России — пруд пруди, попросту-ка разужнай, кто из них Зильбертруд... А тут ещё Станислав Белковский (тоже “шестидесятник”) подлил бензинчику в русско-еврейский костёр. Выступая незадолго до провокации Быкова на радиостанции “Эхо Москвы”, он, рассуждая о причинах “красного террора”, вспомнил о покушении на Ленина 30 августа 1918 года на заводе Михельсона, вспомнил об убийстве Урицкого поэтом Леонидом Канегиссером, другом Есенина, с которым Есенин, по словам Белковского, возможно, состоял в сексуальной связи, вспомнил, что после этих событий Лениным был подписан указ о “красном терроре”, текст которого составил Яков Свердлов... Вот так, к сведению Дмитрия Быкова, создаётся “подлинная” история нашей гражданской войны: расстрельной командой под руководством Якова Юровского и Шай Голощёкина уничтожена вся семья императора Николая II. Еврей Канегиссер убивает еврея Урицкого. Еврейка Фанни Каплан стреляет в еврея по матери Владимира Ильича Ленина. Еврей Яков Свердлов сочиняет “Декрет об антисемитизме”, и всё это в целом, используя “Эхо Москвы”, человек неопределённой национальности Белковский называет “русской провокацией”. Поистине, вспомнишь слова полукровки Иосифа Геббельса о том, что ложь, чтобы ей поверили, должна быть чудовищной... Вот так-то, дорогой товарищ Быков, он же Зильбертруд.

А что касается документов столетней давности на эту тему, то они пусть говорят сами за себя, без особых комментариев, и пусть Быков с Белковским и Зильбертрудом вспомнят, чьими руками и в какой кровавый узел завязывался русско-еврейский вопрос всего лишь сто лет тому назад. А. В. Луначарский лучше, нежели Белковский с Быковым, знал суть дела поскольку в брошюре “**Об антисемитизме**” (Госиздат, М. — Л., 1929) писал: “**Когда этот декрет был написан Я. М. Свердловым и принесён Ленину, Ленин его прочёл и красными чернилами и своей собственной рукой на этом документе приписал: “Совнарком предписывает всем Совдепам принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения. Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить вне закона”**”.

А сам официальный текст декрета, опубликованный в газете “Известия ВЦИК” от 27 июля 1918 года, гласил с торжественностью ветхозаветных скрижалей:

“ДЕКРЕТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ О ПРЕСЕЧЕНИИ В КОРНЕ АНТИСЕМИТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

По поступающим в Совет Народных Комиссаров сведениям, контрреволюционеры во многих городах, особенно в прифронтовой полосе, ведут погромную агитацию, последствием которой были местами эксцессы против трудового еврейского населения. Буржуазная контрреволюция берёт в свои руки то оружие, которое выпало из рук царя.

Самодержавное правительство каждый раз, когда ему нужно было отвести от себя гнев народный, направляло его на евреев, указывая тёмным массам, будто все их беды от евреев. При этом еврейские богачи всегда находили себе защиту, а страдала и гибла от травли и насилий еврейская беднота.

Теперь контрреволюционеры возобновили травлю против евреев, пользуясь голодом, усталостью, а также неразвитостью наиболее отсталых масс и остатками вражды к евреям, которая была привита народу самодержавием.

В Российской Советской Федеративной Республике, где провозглашён принцип самоопределения трудовых масс всех народов, нет места национальному угнетению. Еврейский буржуа нам враг не как еврей, а как буржуа. Еврейский рабочий нам брат. Всякая травля какой бы то ни было нации недопустима, преступна и позорна.

Совет Народных Комиссаров объявляет антисемитское движение и погромы евреев гибелью для дела рабочей и крестьянской революции и призывает трудовой народ Социалистической России всеми средствами бороться с этим злом.

Национальная вражда ослабляет наши революционные ряды, разъединяет единый, без различия национальностей, трудовой фронт и на руку лишь нашим врагам.

Совнарком предписывает всем Советам принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения. Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить вне закона.

Председатель Совета Народных Комиссаров Ульянов (Ленин)
Управляющий делами Совнаркома Вл. Бонч-Бруевич
Секретарь Совета Н. Горбунов”.

Читаешь и поражаешься тому, как мог Ленин – опытный юрист и расчетливый профессиональный политик – одобрить и подписать написанный провокатором Свердловым кровавый “Декрет...”, который должен был неизбежно раздуть пламя гражданской войны по всей России.

Иосиф Сталин, которого все сталиноведы от Троцкого до Борщаговского считали “биологическим антисемитом”, как разумный государственный никогда таковым не был и долгое время, пока ему позволяли исторические обстоятельства, придерживался ленинской политики в еврейском вопросе, о чём свидетельствует следующий документ:

“ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ

Ответ на запрос Еврейского телеграфного агентства из Америки

Отвечаю на ваш запрос.

Национальный и расовый шовинизм есть пережиток человеконенавистнических нравов, свойственных периоду каннибализма. Антисемитизм как крайняя форма расового шовинизма является наиболее опасным пережитком каннибализма.

Антисемитизм выгоден эксплуататорам как громоотвод, выводящий капитализм из-под удара трудящихся. Антисемитизм опасен для трудящихся как ложная тропинка, сбивающая их с правильного пути и приводящая их в джунгли. Поэтому коммунисты как последовательные интернационалисты не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма.

В СССР строжайше преследуется законом антисемитизм как явление, глубоко враждебное Советскому строю. Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью.

12 января 1931 г.

И. Сталин”.

Вроде бы все сказано “по-ленински” и “по-свердловски. Однако обратим внимание на то, что Сталин заявил: **“В СССР строжайше преследуется законом антисемитизм”, “активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью”,** а Ленин приписал к тексту декрета, написанного Свердловым, своей рукой: **“ставить вне закона”,** – то есть **“ставить к стенке без суда и следствия”.** Сталин, в отличие от Ленина, в начале 1930-х годов начал гасить “беззаконие революции”...

Как бы то ни было, но убийство Урицкого и покушение на Ленина вызвало невиданную волну жестокости со стороны новой власти, особенно в отношении бывших чиновников, офицеров, дворянского и церковного сословия. Николай Бухарин откликнулся статьёй с многозначительным названием: **“Ленин-Каплан, Урицкий-Канегиссер”.** Расследовать дело Урицкого в Питере приехал сам Дзержинский.

Нарком внутренних дел Петровский разослал телеграммы по всем Советам Республики со словами: **“Ни малейшего колебания при применении массового террора”.** ВЦИК под председательством Свердлова вынес постановление: **“Предоставить районам право самостоятельно расстреливать всех контрреволюционеров. Устроить в районах концентрационные лагеря. Принять меры, чтобы трупы не попали в нежелательные руки”.**

“Красный террор” охватил всю страну. На Валдае знаменитый русский публицист Михаил Меньшиков был расстрелян чекистами на глазах у жены и детей. Известный всему православному народу священник Иоанн Восторгов лишь за то, что отслужил на месте погребения отрока Гавриила Белостоцкого (“умученного от жидов”, как гласило церковное предание), был расстрелян как злостный антисемит и черносотенец.

А в столице Республики в ответ на убийство евреем Канегиссером шефа петербургского ЧК Урицкого 6 сентября 1918 года в “Красной газете” появился список заложников, состоящий из фамилий великих князей, бывших купцов и фабрикантов, бывших офицеров и полицейских, владельцев типографий, правых эсеров и прочей “монархически-буржуазной сволочи”, арестованной и ждущей расстрела. Списки были подписаны чекистами Г. Бокием и А. Иоселевичем. Через несколько дней 929 человек из этого списка были пущены в расход. Революционная улица поддержала “красный террор”. Из “Воспоминаний” А. Мариенгофа: **“На улицах ровными каменными рядами шли латыши. Казалось, шинели их сшиты не из серого солдатского сукна, а из стали. Впереди несли стяг, на котором было написано: “Мы требуем массового террора”**”. Хорошо бы сегодня вспомнить об этом латышским легионерам, марширующим по улицам Риги и вспоминая о том, как они служили делу фюрера.

Эхо стальной поступи этих латышских легионеров, которыми командовали всемогущие в те времена военачальники и чекисты Ян Петерс, Ивар Смилга, Мартин Лацис, Иосиф Варейкис, Иероним Уборевич, Роберт Эйхе, долетело и до эпохи “шестидесятничества”, о чём вспоминал в наше время один из модных “шестидесятников” Виктор Соснора:

“О Роберте Эйхе скажу чуть больше. В шестидесятые-семидесятые годы – годы моей комсомольской юности – этот пламенный большевик-ленинец, к тому моменту уже реабилитированный, вызывал у меня сильное сочувствие, как и все жертвы сталинского террора. “Комиссары в пыльных шлемах” склонялись молча надо мной, и я читал им наизусть стихотворение Роберта Рождественского о том, в честь кого он получил столь экзотическое для наших широт имя:

*А у меня на родине
в начале тридцатых
в круговерти дней
партийные родители
называли Робертами
спелёнутых,
розовых
орущих парней...
Припомнитесь, тридцатые!
Вернись, тугое эхо!
Над миром неустроенным
громыхни опять.
Я скажу о Роберте,
о Роберте Эйхе!
В честь его
стоило детей называть!”*

(журнал “Знамя”. – № 10. – 2018)

Но ни Виктор Соснора, ни Роберт Рождественский, возросшие в семьях высокопоставленных командиров и чекистов 1930-х годов, видимо, не знали или постарались забыть о том, что летом 1936 года, когда Сталин с небольшой группой своих единомышленников попытался сделать выборы в Верховный Совет СССР более демократическими, с включением в избирательные бюллетени кандидатов от разных общественных организаций, то к нему пришла целая когорта “пламенных революционеров” – руководителей областных парторганизаций, – испугавшихся, что после кровавой коллективизации население не выберет их, и потребовавших от Сталина права на “лимиты”, по которым они отправили бы на расстрелы и в ссылки множество выявленных в их владениях контрреволюционеров.

“Самыми кровавыми, – пишет в своей книге “Иной Сталин” историк Юрий Жуков, – оказались двое: Р. Эйхе, заявивший о желании только расстрелять 10 800 жителей Западно-Сибирского края, не говоря о ещё неопределённом числе тех, кого он намеревался отправить в ссылку; и Н. С. Хрущёв, который сумел подозрительно быстро разыскать в Московской области, а затем и настаивать на приговоре к расстрелу либо высылке 41 305 “бывших кулаков и уголовников”. Вот каков был организатор

XX съезда КПСС! Вот каковы были любимцы “шестидесятников”, “антисталинисты и гуманисты” Хрущёв и Эйхе!

Понятно, почему ни Роберт Рождественский в поэме “Двести десять шагов”, ни “творянин” поэмы “Лонжюмо” и стихотворения “Секвойя Ленина”, ни Евгений Евтушенко, в жилах которого, по его собственному признанию, текла, среди прочих кровей, и латышская кровь, не описали событий лета и осени 1918 года, впрочем, как и Олжас Сулейменов в своей “Лениниане”, как и Булат Окуджава в цикле стихотворений, посвящённых Ленину. Все они были опытные советские лицедеи и понимали, что не надо будить лихо, пока оно тихо.

* * *

Но вода, как говорится, камень точит, особенно вода истории. В 60-е годы прошлого века, когда дети “комиссаров в пыльных шлемах” пытались в своём творчестве продолжить революционные традиции отцов, особенно в кино и в книгах из серии “Пламенные революционеры”, когда последние зарницы багричко-светловской романтики вспыхнули было на литературном небе, замечательный русский поэт Алексей Прасолов поставил последнюю точку в этом историческом споре. Будучи русским деревенским подростком, он однажды с ужасом наблюдал, как на воронежской станции Россошь разгружался эшелон, пришедший с фронта с нашими ранеными бойцами, которых надо было поместить в тыловые госпитали:

*Спешат санитары с разгрузкой.
По белому красным — кресты.
Носилки — пугающе узки,
А простыни — смертно чисты.*

*Кладут и кладут их рядами,
Сквозных от бескровья людей.
Прими этот облик страданья
Мальчишеской жизнью твоей.*

*Забудь про Светлова с Багрицким,
Постигнув значение креста,
Романтику боя и риска
В себе задуши навсегда!..*

*...Те дни, как заветы, в нас живы.
И строгой не тронут души
Ни правды крикливой надрывы,
Ни был барабанящей лжи.*

А надрывы “крикливой правды” и “пыл барабанящей лжи” в то время выплёскивались из стихов, звучавших в Лужниках, в стенах Политехнического, на площади Маяковского, на Тверской у подножия памятника Пушкину из уст знаменитых “шестидесятников” и множества их эпигонов.

Более того, когда я на дискуссии “Классика и мы” (декабрь 1977 года) и в своих статьях убедительно доказал, что творчество Светлова и Багрицкого пропитано культом “красного революционного террора”, Евтушенко буквально сорвался с катушек и обвинил меня в “шовинистическом оплёвывании таких дорогих для нас поэтов, как Светлов и Багрицкий” (“Литературная газета”. — № 2. — 1988).

* * *

Когда знакомишься с событиями столетней давности — с “красным террором”, с делом Урицкого — Канегиссера, когда пытаешься понять, почему ортодоксальная еврейка Фанни Каплан стреляла в вождя всемирной революции

Ленина, чья мать носила фамилию Бланк, то ловишь себя на том, что все подробности сто лет тому назад бушевавшей эпохи только и ждуть того, чтобы языками пламени вырваться на поверхность нынешней жизни. И что делать, чтобы этого не произошло? Как увязать концы с концами последним узлом? Самое главное здесь в том, чтобы удерживать в поле зрения все события, все слова и мысли той эпохи, ничего не забывая, ничего не подчищая и ничего не упрощая. Особенно в словах и делах таких великих творцов истории, как Ленин, чем, в сущности, — упрощением — занимались наши “шестидесятники”, создавая после XX съезда КПСС второе издание ленинского культа.

Да, “Декрет о борьбе с антисемитизмом” был страшен для граждан всех ещё недавно привилегированных сословий. Он был настолько страшен, этот террор, что немецкий ефрейтор, будущий Адольф Гитлер, сидя в баварской тюрьме и сочиняя книгу “Майн кампф”, использовал его как средство разжигания антисемитизма в своей родной Германии, в “цивилизованной Европе”: **“Самым страшным примером в этом отношении, — писал Гитлер, — является Россия, где евреи в своей фанатической дикости погубили 30 миллионов человек, и всё это для того, чтобы обеспечить себе диктатуру над великим народом за небольшой кучкой литераторов и биржевых бандитов”**. Конечно, “30 миллионов” будущий фюрер взял с потолка, но что касается “гекатомбы” жертв террора, о котором вспоминают Надежда и Осип Мандельштамы, то они, конечно, были — и в Крыму, и в Кронштадте, и во время Антоновщины, и на Дону, и на Украине. Всего не упомнишь. И потому, если говорить сегодняшним языком, “Декрет...” был от первой до последней буквы явлением политической и гражданской русофобии в её крайней степени. Но почему Ленин его не только подписал, но и вывел за всякие рамки закона? Ведь Владимир Ульянов был крещёным в Православие, выучился на незаурядного юриста, был абсолютно равнодушен к иудаизму, считал себя атеистом и боролся за ассимиляцию российского еврейства...

Меня всегда удивляли наши патриоты, придававшие фатальное значение четвертушке еврейской крови, пульсировавшей в ленинских венах и артериях. На мой взгляд, Ленин относился к еврейскому засилью в революции куда более раздражённо и скептически, нежели Сталин. Более того, он позволял себе такие высказывания о еврействе, на которые сам Сталин никогда не решался. Помнится, что в одном из сочинений 1912 года Ленин неожиданно заявил: **“В нашем черносотенстве есть одна чрезвычайно оригинальная и чрезвычайно важная черта, на которую обращено недостаточное внимания. Это тёмный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий... Нет-нет, да и прорвётся голос подлинной мужицкой жизни, мужицкий демократизм через всю черносотенную затхлость и натасканность”** (собр. соч., изд. V. Т. 24. С. 18). Слава Богу, что Евтушенко, театрально и крикливо ненавидевший черносотенцев, не был знаком с этими мыслями Ильича, потому как руки бы у поэта опустились и поэма о Ленине осталась бы незаконченной.

А незадолго до революции живший в Швейцарии Ленин встретился с двумя людьми, приехавшими из России, о чём написал в письме:

“Один — еврей из Бессарабии, выдавший виды, социал-демократ или почти социал-демократ, брат-бундовец и т. д. понатёрся, но лично неинтересен... Другой — воронежский крестьянин из старообрядческой семьи. Черносёмная сила. Чрезвычайно интересно было посмотреть и послушать”.

Недаром Есенин в “Анне Снегиной” на вопрос своих земляков: “Скажи, кто такое Ленин?” — отвечает: “Он — вы”; а Николай Клюев в 1919 году пишет знаменитые строки: “Есть в Ленине керженский дух, // диктаторский окрик в декретах. // Как будто истоки разрух // он ищет в поморских ответах”.

Да, Ленин признавал, что без местечкового еврейства революция в столицах и крупных городах потерпела бы поражение:

“Эти еврейские элементы были мобилизованы против саботажа. Таким образом, они имели возможность спасти революцию в этот критический период. Мы имели возможность захватить административный аппарат только потому, что имели под руками этот запас разумной, образованной рабочей силы” (цит. по воспоминаниям Диманштейна из бюллетеня “Институт по изучению СССР”. — № 4/30. — 1959. — Мюнхен).

При таком национальном составе “административного аппарата” СССР, пришедшего на смену аппарату имперского, нечего удивляться жестокости, с которой была разгромлена Русская Православная Церковь. И то, что Ленин в своём знаменитом письме 1921 года беспощадно заклеил “православное черносотенство”, объясняется, видимо, тем, что после победы революции он находился, в отличие от ситуации 1912-го, когда он относился к черносотенству терпимо, в полной зависимости от местечкового окружения, воспитанного в талмудической ненависти к христианству и Православию.

По некоторым данным, количество “разумной образованной рабочей силы”, в те годы хлынувшей в Центральную Россию из-за “черты оседлости” и занявшей почти все большие и малые административные должности, в том числе и в ЧК, составляло более миллиона человек. За эту “поддержку революции” (то есть за спасение большевистской власти) Ленину пришлось заплатить большую цену, в том числе и подписать чудовищный “Декрет о борьбе с антисемитизмом”, который загнал антисемитские чувства и настроения в тёмные глубины общественного сознания.

Возможно, что, понимая это, Ленин в своих стратегических планах рассчитывал после достигнутой стабильности всё-таки уменьшить еврейское влияние в высших эшелонах власти с помощью государственной воли.

В конце 1922-го — начале 1923 года он обратился с письмом к XIII съезду партии (“Завещание” Ленина), в котором попытался совершить своего рода переворот в Центральном Комитете ВКП(б):

“Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе <...>. В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни” (в ЦК тогда было 27 человек. — Ст. К.).

По предложению Ленина, в новый ЦК должны были войти люди, **“стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих; и принадлежащие ближе к числу рядовых рабочих и крестьян. <...> Я предлагаю съезду выбрать 75–100 рабочих и крестьян... выбранные должны будут пользоваться всеми правами членов ЦК”** (Т. 45. С. 343, 348, 384).

Так что местечковому большинству в государственном аппарате было чего бояться. Поэтому партийные верхи отвергли ленинское предложение, а Троцкий написал в ЦК письмо о том, что такое **“расширение” ЦК лишило его “необходимой оформленности и устойчивости” и “нанесёт чрезвычайный ущерб точности и правильности работ ЦК”**. Вся еврейская часть ЦК поддержала Троцкого, и сущность ленинского письма была сведена к ленинским характеристикам кандидатов на роль генсека, в то время как идея расширения ЦК была куда более важной. Неудивительно, что среди “старых партийцев” распространились слухи, что Ленин после инсульта не в себе, потому и предлагает утопические и вредные для партии реформы. Ленин был действительно болен и, несмотря на свой авторитет, не мог уже провести в жизнь решение, которое сделало бы ЦК более “народным” и более “русским”. Но попытка русифицировать ЦК не удалась. Так же, как и при Сталине, в 1951-м.

А письмо это настолько было революционным (или контрреволюционным, с точки зрения “иудушки Троцкого”) и опасным для партийных верхов не только 1923 года, но и будущих времён, что его полностью опубликовали лишь в 1956 году.

В сущности, Ленин предлагал то, что осуществил методами террора Сталин во второй половине 1930-х годов. Ленин, в отличие от Сталина, обладал мастерством открытой политической борьбы, никогда не скрывал своих планов и убеждений, и это обстоятельство могло настроить против него ближайшее еврейское окружение. Некоторые нынешние историки выдвигают гипотезу о том, что летом 1918 года в центре такого заговора мог стоять Свердлов. А история с Каплан таинственна настолько, что даже имя её подлинное в разных источниках публикуется по-разному. Об этой местечковой “Шарлотте Корде” неизвестно почти ничего, кроме того, что сразу после неудачного дилетантского покушения таинственная фурия была доставлена на допрос к председателю ВЦИКа (президенту) Янкелю Свердлову и через три дня следствия, от которого не осталось никаких документов, была расстреляна. И сожжена в железной бочке. Даже автор поэмы “Лонжюмо”, “верный ленинец”

А. Вознесенский ничего не мог написать о таинственной террористке, кроме одной строчки о том, что **“в Ленина бил отравленный пистолет”**. Но как бы то ни было, а “красный террор” был развязан. Число жертв этой провокации неизвестно. Одни источники говорят о тысячах, другие – о десятках тысяч.

“Мы сошлись с Осипом Мандельштамом первого мая 1919 года, – пишет в своих воспоминаниях Надежда Мандельштам, – он рассказал мне, что на убийство Урицкого ответили “гекатомбой трупов”.

Вот о чём надо бы вспомнить нынешним наследникам “шестидесятников” Дмитрию Быкову и Станиславу Белковскому. А беспрецедентная жестокость “Декрета об антисемитизме” была столь вызывающей и даже бросающей тень на власть, что о нём многие историки революции предпочитали не вспоминать. **Он не включался (как и пресловутое письмо Ленина 1921 года “Об изъятии церковных ценностей”) ни в одно собрание сочинений Ленина.** А в одном из номеров “Огонька” за 1990 год известный “шестидесятник” Марк Дейч издевался над газетой “Русское воскресенье”, справедливо утверждавшей, что одним из первых декретов Советской власти был декрет об уголовном наказании (вплоть до смертной казни) за антисемитизм, с возмущением заверещал: **“Декрет опять же выдуман. Правда, в уголовном кодексе 1926 года существовала статья 59, пункт семь, который гласил: пропаганда или агитация, направленная к возбуждению национальной или религиозной вражды, влечёт за собой лишение свободы на срок до двух лет”.**

Вот такая либеральная 59-я. Нет в ней ничего об антисемитизме, ничего о смертной казни без суда и следствия. Вот, мол, какие добренькие, по словам Дейча, были его соплеменники образца 1918 года. И никаких “гекатомб трупов” в Питере, о которых вспомнил Осип Мандельштам, не было, и никаких требований со стороны латышских стрелков, и никакого “Декрета...”, якобы опубликованного 27 июля 1918 года в “Известиях ВЦИК”, не существовало. И вообще все разговоры о “красном терроре” – это “русская провокация”.